

К 50-летию создания Камского автозавода

Интервью Н. И. Беха, возглавлявшего КАМАЗ с 1987 по 1997 гг.

Interview with N. I. Bech, who headed KAMAZ from 1987 to 1997

Вопрос. Николай Иванович, разрешите поздравить вас с юбилеем КАМАЗа, поскольку значительная часть вашей жизни связана с этим заводом. Но свою профессиональную деятельность вы начали на Волжском автомобильном заводе. Что это было за время? Какое влияние эта работа оказала на вашу последующую жизнь?

Ответ. Спасибо за поздравление! Для меня это – важный период в жизни, но у меня эта дата совпала с другим юбилеем: 50 лет назад, в 1969 г., после окончания Киевского политехнического института я был направлен на ВАЗ в металлургическое производство. В то время было счастьем попасть на всесоюзную ударную комсомольскую стройку в период окончания строительства, начала наладки оборудования и освоения технологии. Проект металлургического производства, которое включало ЧЛК (чугунно-литейный комплекс), ПЦЛ (производство цветного литья), кузнечное производство, РЛЦ (ремонтно-литейный цех), РКЦ (ремонтно-кузнечный цех) и производство инструмента и оснастки выполнил ФИАТ, Италия, литейное производство которого в 70-е годы было одним из самых передовых не только в Европе, но и в мире. Мы, молодые специалисты ВАЗа, практически все прошли стажировку на ФИАТе. Помимо уникального оборудования и технологии, меня поразило качество применяемых литейных материалов: обогащенные пески (с 0,2% глины), бентониты с прочностью 1,6...1,8, все ферросплавы – дроблённые и упакованные фирмой ФОСЕКО для печного и ковшового модифицирования.

Закупленное для ВАЗа оборудование было не хуже, а где-то и более совершенное, чем на ФИАТе. Встал вопрос: «А где брать материалы?».

В стране была разработана огромная программа, в которой принимали участие все министры, а возглавляли её два заместителя председателя правительства СССР – Новиков В.Н., курирующий промышленность, и Новиков И.П. – председатель Госстроя СССР. Её сегодня назвали бы «импорто-замещение». Ведь надо было замещать не только литейные материалы, но и автокомпоненты, запчасти к импортному оборудованию, светотехнику, резинотехнические изделия и т.д. Это – отдельная тема, и она требует осмысления по прошествии 50 лет и, на мой взгляд, может отчасти быть применена и сейчас при решении проблем локализации сборочных предприятий Минавтопрома.

Для литейного производства были вновь построены фабрики обогащения песков (1-ая очередь для ВАЗа, 2-ая очередь для КАМАЗа), Дашукровский комбинат бентонитов (тоже две очереди, с учётом КАМАЗа), для производства гранулированного угля организовано производство в Донбассе и т.д. Некоторые предприятия не успевали вводить мощности, и для запуска ЧЛК песок поставляли из Италии. Таким образом, к началу запуска КамАЗа в стране была создана материально-техническая основа для производства совершенно другого уровня. Между пуском ВАЗа и КАМАЗа прошло 6 лет (ВАЗ выпустил первый автомобиль к юбилею В.И. Ленина в 1970 г., КАМАЗ – в 1976 г.). Все это время специалисты проходили практику на ВАЗе, где для этого был создан Институт повышения квалификации (ИПК), через который прошли все руководители Минавтопрома, а потом и страны. Преподавателями в ИПК были руководители ВАЗа, в том числе и я, как главный инженер металлургического производства.

В. Но вернемся к КАМАЗу. Расскажите, что вас привело на КАМАЗ и что он представлял собой в это время?

О. С КАМАЗом вазовцы в те годы установили тесные связи – они у нас проходили стажировку, а мы ездили на первую плавку, запуск линии СПО. Но уезжать я никуда не собирался. И вдруг однажды – 1980-й год, я – в Москве, предстоит длительная командировка в Италию, а меня приглашает Поляков – уже Министр автопрома СССР. «За границу собрался? Есть предложение – тоже за границу, только поближе. Директором литейного завода на КАМАЗ. Там проблемы с литейным производством». – Возражать не имело смысла. – «Когда?» – говорю. – «Вот сейчас и езжайте». Я вы-шел – и прямо из министерского кабинета полетел на КАМАЗ и на 18 лет оказался в Татарстане.

В. Ваша работа на Литейном заводе началась с решения серьёзных проблем. Что это были за проблемы и как вы их решали?

О. С заводом я был знаком, многих руководителей знал по стажировкам на ВАЗе. Много интересного опыта мне передал Трубкин В.М. Пока он был на КАМАЗе, я исполнял обязанности директора на ВАЗе, и поэтому некоторый опыт управления у меня уже был. КАМАЗ в то время использовал для автомобильных деталей заготовки из ковкого чугуна с чёрной сердцевиной, прежде всего, для картера редуктора заднего моста, что требовало сложной термообработки – ТО (36 ч в среде защитного газа при 960°C).

С учетом необходимости двойной дробеструйки до и после ТО, а также времени на заливку, охлаждение и обрубку, это занимало ~ 3 сут., плюс доставка на Агрегатный завод, обработка, сборка, на главный сборочный конвейер картер попадал только через 5 дней. К тому же, любая остановка в технологии на Литейном заводе приводила к остановке конвейера.

Прибавлялась и проблема с термическими печами фирмы Lindberg (США), поскольку в то время США ввели эмбарго на поставки в СССР, в том числе, и на КАМАЗ. Поддоны сложнейшей конструкции, ажурные, чтобы хорошо обдувались отливки 36 ч при 960°C, которые требовались особой прочностью (из жаропрочной стали с ниобием), у нас не производили. Все попытки приводили к низкой стойкости и «козлению» в печи, и, как следствие, к остановкам и браку отливок. Надо было искать выход.

На должность главного инженера я пригласил с ВАЗа В.П. Абросимова – начальника чугунолитейного цеха, молодого, прогрессивно мыслящего

инженера, с первых дней участвовавшего в запуске оборудования и освоении технологии ЧЛК. К этому времени подобрался хороший, дружный коллектив единомышленников и на КАМАЗе.

Огромное количество принятых в то время решений обеспечило литейному производству КАМАЗа превосходство. Вот некоторые из них.

Поиски решения проблемы с ковким чугуном (КЧ) привели к изучению возможности применения вместо него высокопрочного чугуна (ВЧ), не требующего такой длительной и высокотемпературной обработки. Ещё на ВАЗе я много работал с ВЧ. В проекте ФИАТа все ответственные отливки (коленвал, распредвал и т.д.) производили из ВЧ (перлитного, перлитно-ферритного и ферритного). Первый требовал ТО улучшением (4 ч при 880°C), а 2-й и 3-й её не требовали. Началась долгая, трудная, но, в итоге, успешная работа. Работа, требующая изменения шихты – для КЧ: 1,9...2,1%С, для ВЧ– 3,6...3,8%, в ВЧ<0,2%S, <0,2% Cr и т.д. Температура разлива: ВЧ – 1530°C, КЧ – 1460°C и т.д. Из-за их разных усадок нужна была новая оснастка. Потребовалась замена инструмента на Агрегатном заводе, но зато использование ВЧ позволило увеличить скорость резания.

КАМАЗ работал тогда по заготовкам: сколько отливок из чугуна, столько и автомобилей. Мы шутили, что у нас семичасовой рабочий день: с семи утра до семи вечера. Освоив новый чугун, мы полностью поменяли ситуацию с заготовительным производством: изменили технологию, резко сократилась трудоёмкость. Постепенно Литейный стал ведущим заводом на КАМАЗе.

В. В прошлом году исполнилось 70 лет с разработки одновременно, у нас и в США, технологии получения этого уникального материала. КАМАЗ стал пионером в его освоении. Почему, на ваш взгляд, эта технология все ещё плохо приживается на наших заводах?

О. Производство ВЧ требует электроплавки, чистоты шихтовых материалов с низким содержанием хрома и серы. Такие условия, к сожалению, отсутствуют на многих производствах нашей страны. Высокопрочный чугун – великолепный материал. Например, трубы из ВЧ для водоснабжения служат 120 лет, а пластмассовые – 25 и т.д.

В. Какие еще перспективные технологии стали применять на Литейном заводе, когда вы были его директором, и что это принесло всему КАМАЗу?

О. На заводе много других производств. Литейный – это 416 тыс. т чугуна, 90 тыс. т стали,

7,3 тыс. т точных стальных отливок, 54 тыс. т отливок из цветных сплавов, производство инструмента и оснастки, станкостроение, ремонт оборудования и т.д. Был разработан комплексный план стратегического развития. К примеру, по литью стали успешно осуществлён перевод ряда отливок на ВЧ, с применением холодного процесса получения стержней вместо горячего; использование при плавке вторичного алюминия и стружки; освоение систем ремонтного обслуживания ВАЗа и контроля качества продукции и т.д.

Все эти меры и, прежде всего, использование ВЧ, позволили Литейному заводу стать устойчивым поставщиком заготовок не только КАМАЗу, но и ЗИЛУ, и на экспорт.

В. *В 1987 г. вас назначили Генеральным директором КАМАЗа. Каким он тогда был и какие проблемы пришлось сразу решать?*

О. В отличие от ВАЗа, где при организации производства взяли за основу существовавшую на ФИАТе и где прообразом автомобиля был ФИАТ-124, экономически более целесообразным был признан путь применения собственных разработок, и это решение утвердил А.Н. Косыгин. Все корректировки по проектированию, строительству были уже по ходу дела, поскольку у КАМАЗа изначально не предусматривалось даже собственной конструкторской базы, не говоря уже об испытательных стендах, полигонах.

Когда приезжал Форд, он предложил мне на полгода поменяться местами. А побыв три дня и посмотрев, чем мы занимаемся, от этой идеи отказался: у него же не было на балансе 140 садиков, 20 подсобных хозяйств, городского трамвая! Когда же, говорит, вы автомобилем-то занимаетесь?

И, тем не менее, тогда был выпущен и миллионный КАМАЗ, и автогигант достиг пика, выйдя практически на проектную мощность и собрав почти 127 тыс. автомобилей и ~ 200 тыс. двигателей. Продажи в то время были понятием условным, была даже шутка: «Мы дадим вам не то, что вам хочется, а то, что вам надо!», т.е. диктовал завод-изготовитель. Просто купить КАМАЗ было невозможно, такие были очереди за машинами.

В. *На время вашего директорства пришлось акционирование КАМАЗа, и здесь вы были также одними из первых в стране. Что это дало заводу в последующем, в тяжелое перестроечное время?*

О. 1988 г. мы завершили с прибылью, равной той, что в сумме дали МАЗ, ГАЗ, ЗИЛ, вместе взя-

тые. А в распоряжение нам оставили только 3%. И вот тогда мы решили пойти на акционирование. К этому времени у нас сформировалась команда единомышленников. Мы разработали программу стратегического развития, под которую нужны были серьёзные деньги, и вышли в правительство с таким предложением. Первое, что услышал – «в тюрьму посадят»: в частные руки – самое крупное госпредприятие! Но нашлись и такие люди – академик Л.И. Абалкин, вице-премьер по экономике Н.И. Рыжков, в ЦК – А.И. Вольский, которые нас поддержали.

Хотя было трудно: документов не хватало, практика отсутствовала. Всё было впервые. Была приглашена команда экспертов – советских и зарубежных. Это был риск, но мы были молоды, впереди видели цель – КАМАЗ с созданием АО получал возможность распоряжаться собственной прибылью. В стратегической программе было предусмотрено создание совместных производств: по двигателю – с Cummins, по коробке передач – с ZF и т.д.

Но наступило 14 апр. 1993 г. – пожар на заводе двигателей. Это был ужас. Пожар «съел» всё: и заработанные нами деньги, и кредиты... Молодые В.В. Конопкин, директор завода, и С. Галкин, главный инженер, вовремя приняли правильное решение: залили подвал водой, и взрыва не произошло. Могло весь КАМАЗ разнести. 10 дней всё ещё горело, и это было ужасно. Единственное, повезло – не было ни одного смертельного случая.

Прибыл С.К. Шойгу, тогда только назначенный председателем Комитета по ЧС, который нам здорово помог. Огромную поддержку в эти незабываемые дни оказали российский премьер-министр В.С. Черномырдин, президент Татарстана М.Ш. Шаймиев: КАМАЗ в период восстановления был освобождён от ряда внутренних налогов, получил гарантии по банковским кредитам. Не говоря уже о том, что на само тушение пожара были мобилизованы все пожарные республики.

Но были и такие умники, которые рекомендовали не восстанавливать завод. Так, министр финансов Фёдоров, например, предлагал купить двигатели. Я объяснял: тогда и Литейный не нужен, и вообще, половина КАМАЗа. Двигателей в таком объёме никто в стране не производил. В тот период мы не остановили завод. Я обратился ко всем союзным министрам – волевым решением мы собрали все камазовские двигатели, находившиеся на складах – их было достаточно много, организовали их восстановление, я давал расписку тем, кто брал новые автомобили с такими моторами – если выйдет из строя, бесплатно заменим на новый.

Это спасло КАМАЗ: ведь конвейер сборки двигателей на заводе лежал бездыханной грудой искорёженного металла. А в стране уже был очень сложный период. С созданием объединения «КАМАЗ – Содружество» с металлургами, нефтяниками, газовиками в их лице мы обрели фактически кредиторов: они рассчитывались не деньгами, а документами на газ, жидкие нефтепродукты и т.д. Это был своеобразный бартер. Мы же в течение 3 мес. возвращали всё это им нашей продукцией. Если бы не такая услуга с их стороны, наверно, мы бы не выжили. Кредиты тогда были 200%. Ещё же и инфляция галопирующая. А нужно было и не останавливаться, и восстанавливаться. Отечественные банки стали кредитовать нас уже потом, под гарантии ККР.

Альтернативы не было никакой. Хотя – как? Закрывать завод, по логике Фёдорова и Гайдара. Страшный это был период, 1993...1994 гг. Поляков помог, хотя тогда он уже не был министром, но взялся за эту проблему, возглавил штаб, а я ездил в Лондон, Японию, убеждая, доставая эти кредиты. И, прежде всего, форма АО позволила сохранить собственность КАМАЗа при распаде СССР – а это заводы в республиках и сервисная сеть, 150 автоцентров. Не будь АО, госпредприятие не смогло бы получить никаких кредитов, зарубежных, в том числе. Так что это спасло завод.

В. *Сегодня многие автомобильные заводы, по сути, превратились в сборочные, и компоненты, в т.ч. литые детали, поставляются из-за рубежа. Как вы считаете, мог бы Литейный завод стать, своего рода, Центролитом для других автомобильных заводов, и есть ли в этом смысл?*

О. Не только мог бы, но и должен! КАМАЗ сегодня выпускает ~ 40 тыс. автомобилей, что составляет ~ 25% от проекта. Значит, 75% мощностей Литейного завода можно использовать для потребностей промышленности страны. КАМАЗу одному, естественно, нерентабельно содержать такие огромные площади, поддерживать оборудование и т.д. Литейный завод мог бы стать базовым для Ростеха, поставщиком заготовок для локализации автосборочных заводов, экспортным потенциалом. Конечно, все нужно считать. Необходим бизнес-план. Учитывая, что сегодня председателем Совета директоров КАМАЗа является С.В. Чемезов, это возможно.

В. *Какими проектами вы можете гордиться? Как вы оцениваете состояние КАМАЗа сегодня? Не уступил ли он свои позиции лидера при пере-*

ходе к рыночным отношениям и каковы его перспективы?

О. Если говорить о проектах, которыми мы можем гордиться и сегодня, то это, прежде всего, акционирование КАМАЗа. Далее – разработка и освоение полноприводного семейства – потрясающие машины, сколько новшеств! Не могу не сказать и о применении высокопрочного чугуна в объёмах, превышающих выпуск всего автопрома. Ещё один важный проект – газодизельный автомобиль. Их мы делали очень много, они находили применение в разных отраслях. Сейчас это направление переживает ренессанс, и это нужно развивать. Ну и, конечно, команда «КАМАЗ-мастер», созданная в 1988 г. и показавшая всему миру, что такое КАМАЗ.

Что касается социалки, висевшей на КАМАЗе – жилфонда, детсадов и т.д., то с их передачей городу всё лишь ухудшилось – ведь КАМАЗ направлял туда дополнительные средства. Но в советское время, когда утверждали цену автомобиля, эти затраты на него не ложились. А когда цены нет, т.е. её учреждает рынок, – соответственно, чем большая нагрузка на автомобиль, тем меньше прибыль предприятия, но есть решения и сегодня – например, в ведомстве РЖД детсады, школы остаются.

Меня очень тревожит надвигающаяся трагедия – отсутствие квалифицированной инженерной и рабочей силы, что для предприятий разрушительно. К счастью, и на этом «фронте» намечались изменения, видимо, потому, что руководство страны обратило на это серьёзное внимание. Вот и недавний чемпионат рабочих профессий, с таким размахом прошедший в Казани, тому хорошее подтверждение.

Что касается производства, то и сейчас многое делается по всем основным направлениям, в том числе, по заготовительным заводам, мне хорошо известна ситуация и по конструкторским разработкам. Думаю, что надо расширять диверсификацию продукции. Хочется видеть серийные автомобили премиум-класса, пилотные образцы, говорят, что выход на этот уровень возможен. В автомобилестроении есть вещи универсальные, а есть специальные, определяющие «лицо» автомобиля. Вот этой гармонии я и желаю нашему КАМАЗу – и предприятию, и автомобилю. А изменения, которые происходят постоянно, пусть будут не революционными, а инновационными.

Спасибо за интересную и очень информативную беседу.

Интервью взяла **И. Яскевич**